

УДК 304.3

ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОКОЛЕНИЯ**Ярычев Н.У.***ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», Грозный, e-mail: mail@chesu.ru*

Детерминантами образа жизни этнических культур мира являются их ценностные системы и менталитет, определяющие мировоззрение. Ориентация на глобальный ментальный инвариант народов мира во многом способствовала бы повышению достоверности международных социологических проектов. Важное значение приобретает фактор социальной компетентности в условиях динамичных общественных перемен, когда традиционные поведенческие стереотипы оказываются непригодными в новых условиях деятельности. Идеальная теоретическая модель национального характера открыла бы реальную перспективу объективного научного исследования характерологических особенностей всех этнических культур планеты. Объективный учет в философствовании исчерпывающей совокупности социальных и природных факторов и условий жизнедеятельности народов, включая способ социального взаимодействия между ними, может открыть возможность полномасштабного познания их ценностных систем и поведенческих стратегий.

Ключевые слова: образ жизни, социальная категория, поколение, межпоколенное взаимодействие, характер**WAY OF LIFE AS SOCIAL CHARACTER OF GENERATION****Yarychev N.U.***FGBOU VPO «Chechen State University», Grozny, e-mail: mail@chesu.ru*

Lifestyle determinants of ethnic cultures of the world are their value system and mentality defining worldview. Orientation to the global mental invariant nations of the world would greatly help to improve the reliability of the international sociological projects. Becomes important factor of social competence in dynamic social change, when traditional behavioral patterns are unsuitable in the new conditions of activity. The ideal theoretical model of the national character would have opened a real prospect of objective scientific study of character traits of all ethnic cultures of the world. Objective consideration in philosophizing exhaustive set of social and environmental factors and living conditions of the peoples, including the way of social interaction between them could open the possibility of a full knowledge of their value systems and behavioral strategies.

Keywords: way of life, social category, generation, inter-generational interaction, character

Социально-экономическим аспектам образа жизни посвящены труды следующих отечественных исследователей ученых: Е.А. Хибовская, С.В. Федулов, В.А. Артёмова, Л.И. Тумурова, Р.Ф. Туровский, Ю.С. Увицкая, А.М. Трофимов, А.И. Чистобаев, М.Д. Шарыгин, А.А. Ткаченко, В.С. Преображенский, В.Б. Сочава, И.А. Бутенко, А.М. Смирнов, Ю.Г. Саушкин, А.М. Смирнов, С.В. Рязанцев, Л.Л. Рыбаковский, Т.В. Резник, Ю.М. Райтвийр и другие. Социокультурные и нормативно-ценностные составляющие проблемного поля образа жизни были в разное время предметом исследований В.А. Балцевича, С.Я. Балцевича, Ю.К. Плетникова, Г.В. Осипова, А.В. Кабыща, Л.Н. Москвичева, Р.С. Карпинской, В.М. Димова, Н.А. Щитовой, В.Н. Келасьева, Л.В. Сохань и др.

Социально-антропологическими проблемами образа жизни плодотворно занимались: российские исследователи Ю.А. Ровенский, Л.А. Резниченко, Н.М. Римашевская, О.А. Кислицина, И.Т. Райманов и др.; зарубежные исследователи А. Маслоу, Д. Макгрегор, Т. Джордан, Дж. Беккер, Г. Ленски, Р. Парк, А. Келли, Р. Джонстон, Р. Хатскрон, Т. Хаммер, С. Каттер, Т. Хэгстрэнд, А. Джолини, Х. Джаствеллер,

М. Фридман, С. Диенер, Р. Дубос, Р. Баер, А. Кампбелл, Р. Баркер, Х. Баров и другие.

Теоретическое пространство динамично трансформирующегося образа жизни представляет собой сложную конфигурацию концептов и смысловых конструктов. **Проблема** заключается, прежде всего, в выборе способа их целесообразной интеграции, попытка которой и была осуществлена в настоящей работе. **Цель** статьи – схематичное представление фрагментов теоретического универсума, из которого предстоит конструировать мультипарадигмальный методологический аппарат, необходимый и достаточный для концептуального конструирования ментально-мировоззренческого инварианта мировой культуры. Социально-философский синтез созданных в социальных науках теоретических заделов, ориентированных на решение означенной проблемы, и является основной **задачей** настоящей работы.

Образ жизни конкретных общностей тех или иных поколений представляет собой определенный стереотип поведения социальных субъектов, проявляющийся в способах коммуникации, социальной активности, в когнитивной сфере и тому подобное. Внутренними детерминантами образа жизни человеческих общностей различной про-

странственно-временной локализации являются, прежде всего, аксиосфера и в целом мировоззрение. Социально-философское измерение комплексного социокультурного феномена – образа жизни – заключается в выявлении и осмыслении определенного способа взаимосвязи между личностью и обществом.

Прежде всего, мы намерены сосредоточиться на взаимосвязи социальных характеристик и образов жизни и её цивилизационно-гуманистической результирующей, вмещенной в жизненное пространство конкретных межпоколенческих общностей различных этносов и наций: «Образ жизни – это не только характеристика отдельного индивида, но и социальных групп и целых поколений, ...и временной, конкретно-исторический признак. Образ жизни имеет свои индивидуальные черты для каждого поколения, так как на него влияют социально-экономические аспекты разных временных периодов. Образ жизни включает три категории: уровень жизни, стиль жизни, качество жизни» [1, с. 59].

Полагаем, что, объем понятия «качество жизни» вмещает объемы понятий «уровень жизни» и «стиль жизни», то есть как общее и особенное. Социальный феномен «качество жизни», согласно Н.А. Федосеевой, включает сомато-физиологические, психологические, социальные и духовные параметры. Тем не менее следует отметить, что параметрические характеристики, исчерпывающие смысл рассматриваемой категории, не являются универсальными, то есть, пригодными для применения во всех локальных цивилизациях планеты. В частности, об этом свидетельствуют результаты транснационального социологического исследования такого субъективно-личностного и социально-психологического феномена, как счастье [2].

Парадоксально, но во многих слабо-развитых в англосаксонском смысле этого слова, странах Востока, уровень счастья выше, чем в высокоразвитых. Объясняется данный неожиданный социально-психологический феномен существенными отличиями духовно-нравственных составляющих образа жизни. Уровень счастья людей Западной локальной цивилизации напрямую определяется преимущественно монетаристскими критериями и показателями. Субъективное ощущение эмоционального комфорта человека Востока зависит в большей мере от индивидуально-группового социально-этического состояния ближайшего жизненного пространства. Именно поэтому полагаем, что результаты подобного рода межцивилизационных, безуслов-

но, благородных и важных, гуманитарных проектов были бы более достоверными, а следовательно, и социально значимыми при использовании методологического инструментария, включающего глобальный ментально-мировоззренческий инвариант мировой культуры: «Понятие «культура», включая в себя наравне с понятием «образ жизни» традиции, обычаи и нормы поведения, нравы и ценности, отражает духовную сторону этой совокупности, а образ жизни – материальную, повседневную сторону. Разные культуры... выражают разный образ жизни, который является ее частным проявлением на уровне общего, особенного и индивидуального» [1, с. 50].

Мы солидарны с пониманием Ж.Ю. Потукиной внутренней структуры понятия образа жизни как интегральной компоненты объективных и субъективных составляющих в сознании социального субъекта, проявляющейся в содержании, направленности и характере его жизнедеятельности [3, с. 50]. Э.А. Орлова понимает образ жизни как культурно-антропологическую категорию [4, с. 45]. Полагаем вполне оправданным обращение данного автора к социокультурному анализу, открывающему возможности выявления процессных характеристик формирования субъектных интегральных комплексов, включающих ценностно-нормативные и социально-поведенческие составляющие конкретно-исторических межпоколенческих человеческих общностей.

Теоретическое осмысление означенного выше проблемного поля исчерпывается такими понятиями, как «социальная структура», «социальные институты», «социокультурная и предметно-пространственная среда», «смыслы и значения культурных объектов», «социализация». Полагаем, что применение данного понятийно-категориального аппарата позволяет существенно расширить аналитические границы исследования феномена трансформации ценностно-смысловой и субъектно-деятельностной составляющих микросоциальной динамики. Во внутри- и межпоколенческом взаимодействии современного мирового организма достоверный теоретический результат рассматриваемого эпистемологического сегмента может быть использован в процессе «глобального» компаративистского анализа типов образов жизни современной мультипоколенческой человеческой общности в целях её гуманной социально-этической реконструкции: «...определенная структура... образа жизни и ее динамическое воплощение в заданном социокультурном пространстве» [5, с. 49].

Полагаем, что теоретический инструментарий, используемый Э.А. Орловой для анализа микросоциальной динамики, может быть применен для конструирования аналогичного исследовательского алгоритма макросоциальной динамики, включающей типичные способы гуманистической внутри- и межпоколенческой социальной деятельности. В данном познавательном пространстве интегральное (микро- и макросоциальное) понятие «образ жизни» складывается в целостную непротиворечивую теоретическую модель, вмещающую структурную, содержательную и динамическую составляющие межпоколенческих человеческих общностей [4].

В цивилизационно-гуманистическом измерении безусловный теоретический интерес представляет направленность и характер изменения образа жизни – устойчивости и подвижность его структур – в целях выявления «динамических тенденций» в социально-этической парадигме «Добро – зло». Для объективного отражения в структуре образа жизни темпоральной компоненты данный автор вполне обоснованно вводит в исследовательский инструментарий смысловой конструкт «ситуация». Концептуальная схема жизненной ситуации, согласно Э.А. Орловой, комплексна, поскольку включает статичные и динамичные составляющие. Особое значение категория «проблемная ситуация» приобретает в условиях кризисно-катастрофической динамики современного этапа мирового процесса. Субъектам экспертно-аналитической деятельности цивилизационно-гуманистической страты особое исследовательское внимание может обращаться на проблемные ситуации современной микро-мезо- и макросоциальной динамики.

Образ жизни как способ деятельности социальных субъектов во многом обуславливается их социальным характером. Основоположителем учения о социальном характере Р. Мертоном была разработана типологическая классификация личностей в соответствии со своеобразным социокультурным пространством и временным модусом. Данный ученый придерживался точки зрения, согласно которой качественно определенная социальная среда формирует соответствующую личность с присущим образом жизни. В соответствии с направленностью социальной ориентации и стратегиями поведения Р. Мертон разделял индивидуальных субъектов на пять категорий: «... определения целей общества... и обеспечения путей их достижения, выделены следующие типы: конформный – принимает культуру, цели

и институциональные цели; новатор – принимает только цели; ритуалист – принимает только средства; изолированный – отходит и от цели, и от средств; мятежник – пребывает в нерешительности относительно целей и средств» [6, с. 49].

Сущность социального характера понималась Э. Фроммом как содержательный инвариант структуры жизнедеятельности, являющейся отражением интегральных, ментальных и поведенческих качеств и свойств представителей тех или иных этнокультур [7, с. 27]. Общим для западной гуманитаристики, включая социальную психологию и социологию, определяющим является теоретический подход, при котором системообразующей в диалектической паре «человек – общество» является второе: среда формирует человека. В соответствии с данной теоретической позицией Р. Линтон и А. Кардинер практически ставят знак равенства между «основной личностью» общности и социальным характером [8]. Согласно теоретическим установкам данной группы ученых, включая Г. Олпорта, основной тип личности формируется под воздействием господствующей ценностной системы общества: «Основная личность – группа психологических и поведенческих характеристик (склонности, представления, способы связи с другими), которые делают индивида максимально восприимчивым к определенной культуре и идеологии и которые позволяют ему достигать адекватной удовлетворенности и устойчивости в рамках существующего порядка» [9, с. 48]. Д. Рисмен разделял основную личность как социотип на следующие виды: доиндустриальный – консервативно-конформный; индустриальный – целеустремленно предприимчивая личность и авторитарная личность как ее крайне негативный репрезентант [10].

Во время Второй Мировой войны Т. Адорно и Э. Фроммом, в процессе социально-психологического исследования проблемы «пессимизм – оптимизм», был выявлен негативный социально-психологический феномен – авторитарная личность, описательная социально-этическая характеристика которой включает такие означаемые, как конформизм, консерватизм, властолюбие, презрение к интеллигенции и представителям иных этнокультур, примитивизм мышления, агрессивность, отсутствие устойчивой ценностной системы, стереотипное социальное поведение; авторитарное подчинение, авторитарная агрессивность, интрацептивность, суеверие, внешний локус контроля, склонность к демонстративно-маскировочному поведе-

нию, ханжеское отношение к сексуальной сфере, использование тактик поведения, основанных на приписывании субъектам коммуникации качеств и свойств собственной поведенческой стратегии» [11, с. 59]. Психологом К. Хорни в середине прошлого столетия были выделены три типа личностей: отрешенные, агрессивные и податливые [12]. Типологическая личностная классификация неверного ученика З. Фрейда К. Юнга разработана в смысловом поле взаимосвязи личностной динамики с ориентацией на позитивно-негативные потенциалы временных модусов: преимущественно личностное прошлое – эмоциональный тип, ориентация на историческое прошлое – мыслительный тип; преобладающее внимание к настоящему и беззаботное забвение прошлого – ощущающий тип; преимущественная погруженность в будущее – интуитивный тип [13].

Во второй половине двадцатого столетия в социальной психологии родилась концепция локуса контроля (Д. Роттер) [14]. Внешний локус контроля – эстернальный тип социального поведения, ориентированный преимущественно на удачное стечение социальных обстоятельств и благоприятные условия природной среды; интернальность – личностные свойства, определяющие успешность деятельности личностной эффективностью. Данному личностному типу свойственен высокий уровень ответственности.

Одним из безусловных факторов оптимальной индивидуальной жизнедеятельности является высокий уровень личностной эффективности, имманентная составляющая которой – социальная компетентность. Важное значение в данной связи приобретает фактор компетентности в условиях динамичных общественных перемен, когда традиционные поведенческие стереотипы оказываются непригодными в новых условиях социальной деятельности. Именно к такому типу нестабильных социальных организмов с полным правом можно отнести большую часть современных локальных обществ: «Социальной компетентностью является постоянная выработка обновленных сценариев, поведения, отвечающих новой социальной действительности и ожидаемых партнерами по взаимодействию» [3, с. 352].

Основное предназначение социального интеллекта – объективное познание личного социального пространства. Э. Фромм был убежден, что качественная определенность социального характера формируется под воздействием социальных и культурных переменных. Э. Фромм клас-

сифицировал социальные характеры в соответствии в двумя основными ориентациями – плодотворной и неплодотворной [7]. К. Хорни в середине прошлого столетия были выделены три социальных типа личностей – отрешенные, агрессивные и податливые [12 91].

К типам социального характера неплодотворной ориентации Э. Фромм относит рецептивный, стяжательский, рыночный, эксплуататорский [7]. Внутренним «стержнем» плодотворного типа социальной ориентации является любовь, доброта, уважение и упреждающее доверие к окружающим. Социальный индивид с рецептивно-пассивным социальным характером, ориентирован на получение информации, энергии, средств существования из ближайшего жизненного пространства примерно тем же способом, что и солнце, воздух, реки, запах соснового леса. Эксплуататорский тип ориентации социального индивида отличается от рецептивно-пассивного лишь тем, что его носитель не склонен ждать «милостей» от общества, а предпочитает отнимать нужные ему жизненные ресурсы у других социальных индивидов силой. Рыночный тип социального характера, по всей видимости, является наиболее социологически значимым в настоящее время. Люди с рыночным стилем мышления склонны воспринимать и себя как товар, обладающий определенной меновой стоимостью. Подобный тип личности мобильно ориентирован на меняющиеся требования рыночной конъюнктуры, а посему лишен как стремления, так и возможности обладания устойчивой ценностно-нормативной системой и, соответственно, стабильного способа социальной деятельности.

Объем понятия «национальный характер» вмещает в себя, как матрёшка, объемы понятий «социальный характер» и «индивидуальный характер». Тем не менее П.А. Сорокин был убежден, что сумма психологических картин характеров социальных индивидов не является достаточным основанием для его теоретической реконструкции в смысловой конструкт «национальный характер» [15]. И.С. Кон солидарен с точкой зрения П.А. Сорокина и совершенно справедливо утверждал, что психологический подход к определению сущности национального характера теоретически бесплоден [16].

Объективным компаративистским исследованиям в означенном проблемном поле препятствуют теоретические трудности, связанные с отсутствием в мировой гуманитаристике «идеальной» гносеологической модели национального

характера. Помимо всего прочего, идеальная концептуальная модель национального характера открыла бы реальную перспективу объективного научного исследования и понятийно-категориальной фиксации глобальной структурной иерархии характерологических особенностей всех этнонациональных общностей планеты. Предлагаемая пока только гипотетически гносеологическая модель, без сомнения, откроет широкий теоретический простор для концептуального конструирования достоверной типологической классификации национальных характеров, что, в свою очередь, будет способствовать постепенному вытеснению из менталитета человечества этноцентричных социально-этических тенденций. Тем более что результаты этнологических исследований убедительно свидетельствуют о том, что люди способны объективно оценивать качества и свойства представителей как своей, так и иных национальностей, несмотря на то что: «... осознание сходства требует более развитой способности обобщения и концептуализации, чем осознание различия» [16].

Системное исследование национального характера с необходимостью предполагают этнопсихологический, этнографический, историко-культурный подходы. Авторы теории «культуры и личности» К. Клакхон и О. Маурер выделяют в ней следующие группы детерминант: «...общую концептуальную схему теории культуры и личности, подчеркивали, что в ней необходимо выделять четыре группы детерминант: универсальные, свойственные всем людям; общинные, характерные для членов данного сообщества (группы); ролевые, обусловленные специфическим социальным положением; идиосинкразические, присутствующие только данному лицу» [17, с. 257]. А. Инкельс и Д. Левинсон предлагают заменить общепринятое историко-культурное значение национального характера сугубо социологическим, то есть фиксацией удельного веса (количественного распределения) нескольких вариантов «основной личности» в социальных структурах наций [18]. В данной связи И.С. Кон предлагает признать, что: «... для сложной индустриальной нации наиболее теоретически правильной и эмпирически реалистичной является мультимодальная концепция национального характера, включающая нескольких преобладающих типов личности» [16].

Объективный учет в философствовании исчерпывающей совокупности социоприродных факторов и условий жизнедеятельности народов, включая способ социального взаимодействия между означенными

выше типами модальных (основных) личностей, откроет возможность полномасштабного познания их ценностных систем и репертуаров поведенческих стратегий и тактик: «...признавая многообразие этнических свойств, неразбериха и путаница в проблеме национального характера возникает как раз из-за непонимания диалектики общего, особенного и единичного. Раскрыть характер народа – значит раскрыть его наиболее значимые социально-психологические черты». Уникальна структура характерологических особенностей нации. Но все элементы, входящие в эту структуру, являются общими» [19; с. 101].

Зоопсихологией достоверно установлено наличие у социальных животных и насекомых коллективного сознания. Огромное стадо саранчи, длиною в несколько километров, садится на землю и взлетает с нее одновременно. Менее объективным является нооферное учение В.И. Вернадского о некоем виртуально-ментальном пространстве, вмещающем продукты мыследеятельности органического мира планеты всех времен и поколений, возможно, включая и будущее [20].

Этнопсихологическая теория В. Вундта о «народной душе» базируется на установке о неравнозначности социально-психологических профилей членов социальной общности и её интегральной ментальной субстанции – национального характера. Душа народа, как полагал В. Вундт, является некой виртуальной результирующей социального творчества коллективных субъектов. В. Вундт был убежден, что психология народов обладает таким же самостоятельным научным статусом, как и психология личности [19].

В первой половине двадцатого века в изучении сущности национального характера четко определились два научных подхода – культурологический и личностный. Особенности первого были рассмотрены нами ранее, относительно же второго особый интерес представляет такой идеальный артефакт коллективной мыследеятельности, как «гений» народа. Эпистемологическая технология определения последнего заключается в анализе артефактов культуры. И хотя В. Куренной усматривает определенную некорректность данного научного метода, состоящую в отсутствии достоверных механизмов взаимосвязи между продуктами социального творчества элиты и народных масс, все же «гений народа» – это концентрированное выражение духовной культурной интеллектуальной силы и мощи всей нации [21, с. 101]. Убедительной аргументацией данного утверждения могут служить, прежде

всего, объективные научные данные о социокультурном своеобразии «гениев» различных наций и народов.

Во второй половине XX века в рамках культурной антропологии появляется ряд учений, трактующих этнонациональную специфику феноменологического поля и сущностные параметры соответствующих картин мира. В проблемно-тематическом пространстве данного учения культура того или иного народа предстает концентрированным выражением эволюционно сформировавшейся ценностно-нормативной системы, уникальным образом определяющей способы социального действия. Касаясь лично ориентированных концепций национального характера, следует указать на Р. Левина, который в работе «Культура поведения и личность» разработал концепцию культурно-моделированной личности [22, с. 102].

Согласно данному автору, личность является репрезентантом определенной культуры. Основоположителем когнитивной антропологии Р. Редфилдом в середине XX века был разработан и теоретически обоснован смысловой конструкт «картина мира». Предназначение последнего заключается в раскрытии механизмов продуцирования менталитетами народов уникальных систем представлений о структурах социальной и природной онтологии: «Картина мира» отличается от таких категорий, как «этнос» культуры, способ мышления, «национальный характер». Если концепция «национального характера» относится, прежде всего, к взгляду на культуру со стороны внешнего наблюдателя, то «картина мира», напротив, изучает взгляд члена культуры на внешний мир. Это комплекс ответов, которые дает та или иная культура на извечные вопросы бытия» [23].

Мы разделяем точку зрения М. Редфилда относительно того, что «картина мира» любой этнонациональной общности не является монолитно-однородной, а представляет определенный тезаурус субкартин мира. В частности, имеем в виду так называемую «большую» и «малую» традиции. Под первой данный автор понимает культуру храмов и школ – то есть город, а под второй – культурные традиции деревенских общин. Таким образом, у менталитетов жителей сельской местности различных народов больше общего, чем у городского и сельского сообществ того или иного народа. Отличие когнитивного подхода от культурантропологического состоит в том, что при первом этнопсихологи и этносоциологи фиксируют исследовательское внимание на народных эпистемологических формах,

методах и средствах, а при втором – на результатах его познавательной деятельности – ценностных, онтологических, космологических, эсхатологических «картинах мира». В последней трети двадцатого века после якобы нежданно-негаданно разразившегося постмодернистского социогуманитарного «урагана» в сознании западного ориентированного научного сообщества, воцарилась герменевтическая концепция, суть которой заключается в принципиальной невозможности установления взаимопонимания между народами. Наше глубочайшее убеждение состоит в том, что постмодернизм, как негативный феномен мировой культуры в целом, так и философский постмодернизм, в частности, являются «миной замедленного действия» для народов мира. Безусловную выгоду от проекции данной негуманной и антинаучной «парадигмы» получают коллективные субъекты современного мирового процесса, избравшие курс на разрушение национальных государств и в целом на дискредитацию цивилизационной «идеи» самого института государства как одного из древнейших социальных изобретений.

Полагаем, что при всем богатстве теоретических подходов к проблеме национального характера в планируемом содержании деятельности конструируемой в рамках настоящего исследования теории межпоколенческого цивилизационно-гуманистического взаимодействия, считаем необходимым и возможным создать и задействовать эффективный универсальный механизм диалогического, мульти-полиалогического взаимопонимания и доверительного принятия всеми народами оригинальных образов жизни и «картин мира». Определенной мерой осуществлению данного глобально-гуманистического проекта могут способствовать концептуальные модели психологической антропологии (Т. Шварц, М. Спиро, Дж. Уайт, Д. Андраду и др.) [24; 25; 26]. Согласно учению последнего, определяющие смыслы культуры детерминируют доминирующие способы индивидуальной и коллективной деятельности обществ. Такого рода типичные поведенческие доминанты он называл «сценариями». Динамично формирующиеся совокупности мультиартефактных событий являются продуктами типичных способов деятельности индивидов и коллективов, вмещенных в национальные тезаурусы базовых сценарных планов социального поведения.

Выводы

Современная социальная философия поставлена перед необходимостью со-

здания собственного мультипарадигмального методологического аппарата, исходя из глобального ментально-мировоззренческого инварианта мировой культуры. Понятийно-категориальный аппарат разрабатываемой теории среднего уровня межпоколенческого цивилизационно-гуманистического взаимодействия с необходимостью может включать общеизвестные и традиционные для различных социальных и гуманитарных наук понятия – «социальная структура», «социальные институты», «социокультурная и предметно-пространственная среда», «смыслы и значения культурных объектов», «социализация», «основная личность», «модальная личность», «социальный характер», «национальный характер», «образ жизни», «идеальные типы социальных действий», «социальная солидарность», «социальный закон», «рационализация социальной жизни», «социальная организация», «субъект и объект общественного мнения», «гуманистическая стратегия», «гуманный способ социального действия», распределяющие концепт образа жизни как социального характера поколения.

Список литературы

1. Адорно Т. Проблемы философии морали: Пер. с нем; [пер. с нем. М.Л. Хорькова]. – М.: Республика, 2000. – 238 с.
2. Вундт В. Проблемы психологии народов. – М.: Академический проект, 2010. – 136 с.
3. Вернадский В.И. О науке // Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 21. 1941–1943 гг. – 273 с.
4. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. 1944. – Русское издание – СПб: Евразия, 1998. – 328 с.
5. Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. Под ред. Б.Ф. Поршнева и Л.И. Анцыферовой. – М., 1971. – С. 122–158.
6. Куренной В. Исследования национального характера и картины мира. Отечественные записки. – 2002. – № 3 (4). – С. 49–53.
7. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. Gaudeamus. – М.: Академический проект, 2005. – 624 с.
8. Орлова Э.А. Социокультурное пространство обыденной жизни: Методическое пособие по курсу «Культурная антропология». – М.: ГАСК, 2002. – 104 с.
9. Потукина Ж.Ю. Концептуальная структура понятия «образ жизни» и процесс его институализации (на примере современного вузовского студенчества) <http://do.teleclinica.ru/207037/>
10. Рисмен Д. Лица в толпе. – М., 1952. – 183 с.
11. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество // Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл., с. 5–24, А.Ю. Согомонова]. – Мыслители XX века. Редкол.: Т.И. Ойзерман (пред.) и др.). – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
12. Сосновская К.В. Проектное мышление в бытии человека: автореферат дис... кандидата философских наук: 09.00.13 / Сосновская Ксения Владимировна; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет»]. – Омск, 2013. – 19 с.
13. Федосеева Н.А. Анализ ключевых категорий образа жизни. Комментарии. <http://rae.ru/use/146>.
14. Фромм Э. Психоаналитическая характерология и ее значение для социальной психологии (нем.) = Die psychoanalytische Charakterologie und ihre Bedeutung für die Sozialpsychologie // Zeitschrift für Sozialforschung: журнал. – Франкфурт-на-Майне: Institut für Sozialforschung, 1932. – № 1. – С. 253–277.
15. Хорни К. Самоанализ // Хорни К. Собр. соч. в 3-х т. – М.: Смысл, 1997. – Т. 2. – 309 с.
16. Юнг К. Психологические типы. – М.: Прогресс, 1984. – 138 с.
17. Allport G.W. Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality. New Haven: Yale University Press, 1955. В кн.: Г. Олпорт. Становление личности. Избранные труды. М.: Смысл, 2002, С. 166–216. Терминологическая правка В. Данченко К.: PSYLIB, 2005. – 329 с.
18. Inkeles A. and Levinson D.J. National Character: The study of Modal Personality and Sociocultural Systems. In: Lindzey C. and Aronson E. – 258 p.
19. Schwartz T. Anthropology and Psychology. In: New direction in Psychological Anthropology. Theodor Schwartz, Geoffrey M. White, Catherine A. Lutz (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 324–325.
20. Spiro M.E. Culture and human nature. In: Spindler, George D. (ed.) The Making of Psychological anthropology. Berkeley, Los Angeles, L.; University of California Press, 1978. – P. 356–357.
21. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. (1936) Memorandum for the Study of Acculturation. American Anthropologist. – Vol. 38. – № 1. – P. 149–152.
22. Levin K. Der Geschichtsbegriff des Positivismus unter besonderer Berücksichtigung Mills und der rechtsphilosophischen Anschauungen John Austins. – Leipzig: Moltzen, 1935. – 294 p.
23. Kardiner A. and Lipton R. The Individual and His Society. New York.
24. Merton R., Linton R., Herskovits M.J. (1936) Memorandum for the Study of Acculturation. American Anthropologist. – Vol. 38. – № 1. – P. 149–152.
25. Rotter J.B. Social learning and clinical psychology. – NY: Prentice-Hall, 1954. – 262 p.
26. World Happiness Report Wins Award for the Betterment of the Human Condition – September 18, 2014 <http://unsdsn.org/resources/publications/world-happiness-report-2013/>

References

1. Adorno T. Problemy filosofii morali: Per. s nem; [per. s nem. M.L. Hor'kova]. M.: Respublika, 2000. 238 p.
2. Vundt V. Problemy psihologii narodov. M.: Akademicheskij proekt, 2010. 136 p.
3. Vernadskij V.I. O nauke // Arhiv AN SSSR. F. 518. Op. 2. Ed. hr. 21. 1941–1943 gg. 273 p.
4. Klakhon K. Zerkalo dlja cheloveka. Vvedenie v antropologiju. 1944. Russkoe izdanie SPb: Evrazija, 1998. 328 p.
5. Kon I. S. K probleme nacional'nogo haraktera // Istorija i psihologija. Pod red. B.F. Porshneva i L.I. Ancyferovoj. M., 1971. pp. 122–158.
6. Kurennoj V. Issledovanija nacional'nogo haraktera i kartiny mira. Otechestvennye zapiski. 2002. no. 3 (4). pp. 49–53.
7. Lur'e S.V. Psihologicheskaja antropologija: istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy. Gaudeamus. M.: Akademicheskij proekt, 2005. 624 p.
8. Orlova Je.A. Sociokul'turnoe prostranstvo obydennoj zhizni: Metodicheskoe posobie po kursu «Kul'turnaja antropologija». M.: GASK, 2002. 104 p.
9. Potukina Zh.Ju. Konceptual'naja struktura ponjatija «obraz zhizni» i process ego institalizacii (na primere sovremennogo vuzovskogo studenchestva) <http://do.teleclinica.ru/207037/>

10. Rismen D. Lica v tolpe. M., 1952. 183 p.
11. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizacija. Obshestvo / Pitirim Sorokin; [Obslh. red., sost. i predisl., pp. 5–24, A.Ju. Sogomonova]. Mysliteli XX veka. Redkol.: T.I. Ojzerman (pred.) i dr.). M.: Politizdat, 1992. 542 p.
12. Sosnovskaja K.V. Proektnoe myshlenie v bytii cheloveka: avtoreferat dis... kandidata filosofskih nauk: 09.00.13 / Sosnovskaja Ksenija Vladimirovna; [Mesto zashhity: Federal'noe gosudarstvennoe bjuzhethnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovanija «Omskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet»]. Omsk, 2013. 19 p.
13. Fedoseeva N.A. Analiz kljuchevyh kategorij obraza zhizni. Kommentarii. <http://rae.ru/use/146>.
14. Fromm Je. Psihoanaliticheskaja karakterologija i ee znachenie dlja social'noj psihologii (nem.) = Die psychoanalytische Charakterologie und ihre Bedeutung für die Sozialpsychologie // Zeitschrift für Sozialforschung: zhurnal. Frankfurt-na-Majne: Institut für Sozialforschung, 1932. no. 1. pp. 253–277.
15. Horni K. Samoanaliz // Horni K. Sobr. soch. v 3-h t. M.: Smysl, 1997. T. 2. 309 p.
16. Jung K. Psihologicheskie tipy. M.: Progress. 1984. 138 p.
17. Allport G.W. Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality. New Haven: Yale University Press, 1955. V kn.: G. Olport. Stanovlenie lichnosti. Izbrannye trudy. M.: Smysl, 2002, S. 166-216. Terminologicheskaja pravka V. Danchenko K.: PSYLIB, 2005. 329 p.
18. Inkeles A. and Levinson D.J. National Character: The study of Modal Personality and Sociocultural Systems. In: Lindzey C. and Aronson E. 258 p.
19. Schwartz T. Anthropology and Psychology. In: New direction in Psychological Anthropology. Theodor Schwartz, Geoffry M. White, Satherine A. Lutz (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, 1994. pp. 324–325.
20. Spiro M.E. Culture and human nature. In: Spindler, George D. (ed.) The Making of Psychological anthropology. Berkeley, Los Angeles, L.; University of California Press, 1978. pp. 356–357.
21. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. (1936) Memorandum for the Study of Acculturation. American Anthropologist. Vol. 38. no. 1. pp. 149–152.
22. Levin K. Der Geschichtsbegriff des Positivismus unter besonderer Berücksichtigung Mills und der rechtsphilosophischen Anschauungen John Austins. Leipzig: Moltzen, 1935. 294 p.
23. Kardiner A. and Lipton R. The Individual and His Society. New York.
24. Merton R., Linton R., Herskovits M.J. (1936) Memorandum for the Study of Acculturation. American Anthropologist. Vol. 38. no. 1. pp. 149–152.
25. Rotter J.B. Social learning and clinical psychology. NY: Prentice-Hall, 1954. 262 p.
26. World Happiness Report Wins Award for the Betterment of the Human Condition September 18, 2014 <http://unsdsn.org/resources/publications/world-happiness-report-2013/>

Рецензенты:

Курбанова Л.У., д.соц.н., профессор кафедры теории и истории социальной работы, ФГЮОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный;
 Кесаева Р.Э., д.соц.н., профессор кафедры теории и истории социальной работы, ФГЮОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.

Работа поступила в редакцию 19.02.2015.